

23 мая 1966

Севастополь

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ТАЛАНТА

Творческий
портрет

— Дайте мне билет на спектакль, где играет Волкова.

Почему эти слова можно часто слышать у кассы Севастопольского театра им. А. В. Луначарского? В чем секрет сценической степени присуща гражданственности. Это художник-борец, художник-судья, не скрывающий своих общественных симпатий и антипатий.

В разных ролях Волкова очень различна. Творческий диапазон актрисы огромен: от глубоко трагических, героических характеров до остро комедийных. Но в каждом из них видна основная особенность ее как художника — яркая тенденциозность созданных образов, что не мешает, а, напротив, помогает им быть правдивыми, реалистическими, жизненно полнокровными.

Волкова — мать в «Острове Афродиты». Ее облик величествен, позы скульптурно точны. Темное покрывало оттеняет седую голову. А плавающая, несколько замедленная речь делает особенно весомым каждое слово. Горестные и гордые интонации берут за сердце.

Перед нами не только страдающая мать, чей сын находится в смертельной опасности. Мать, которая является в стан врагов, чтобы спасти жизнь сыну. Киприотка в исполнении Волковой — сам непобедимый народ Кипра. Чужеземцы пытаются покорить его, сломить волю к сопротивлению, принудить повиноваться. Но, как скала, как непоколебимая в своей решимости мать, народ Кипра стоит на страже своей свободы.

Трудно, очень трудно представить себе артистку Волкову, сыгравшую кипрскую мать, в роли Пошлепкиной в гоголевском «Ревизоре». И тем не менее эта роль тоже сыграна блестяще. Успех определила опять-таки, в первую очередь,

четкая идейная позиция художника сцены. Пошлепкина — одна из многих, прибегающих к минимуму ревизору с жалобами на самоуправство городского. Она — из мелкоты. Однако атмосфера вокруг настолько заражена взяточничеством, что даже Пошлепкина не может прийти с пустыми руками и явиться... с двумя лукошками и двумя яйцами. Пришла она, по твердому убеждению актрисы, — прямо откуда-то из коровника или подобного места. На приведение себя в порядок времени не нашлось, так как ревизор мог ведь и уехать. Надо было торопиться. И вот врывается на сцену Волкова-Пошлепкина, неопытная, полурастерзанная, чуть ли не босая, в радости, что на начальство тоже свое начальство нашлось и что самому главному теперь она и несет подношение.

Характерна и творческая лаборатория Клавдии Волковой. Эта лаборатория — не в тиши уединения, а среди людей, массы людей. Разумеется, актриса, как это и свойственно любому художнику сцены, знает долгие часы раздумий, мучительных поисков. И он сидит за книгами, простаивает подолгу перед зеркалом, отыскивая то или иное принципиальное решение или даже маленькую деталь внешности. Но главное в творческой лаборатории Волковой — все-таки жизнь, люди, которых надо узнать как можно больше, лучше учиться у них науке любви и ненависти.

В пьесе Ольги Берггольц «Верность» артистке дали играть роль немолодой простой женщины, стиравшей раненым белье. Таких, как она, много было в Севастополе, да и повсюду на нашей земле в годы Великой Отечественной войны. Волкова лично знала несколько таких женщин. Но хотелось показать не просто тетю Феню или тетю Дашу, а обобщенный, крупный характер труженицы-патриотки. Очень долго роли не хватало

масштабности, к которой стремилась актриса.

И тогда она устроила сама себе на редкость трудный экзамен. Поехала на Сапун-гору, не туда, где находится диорама штурма этой горы советскими войсками, освобождавшими Севастополь, не в помещение, а прямо к подножию горы — откуда и начался штурм. Шла по святой земле, и с каждым шагом, наверх, трудным даже теперь, все яснее становилась картина того, что происходило здесь в страдную военную пору. Когда достигла вершины, то задыхалась не от подъема, а от ощущения, что под ногами еще не застыла кровь товарищей, что их предсмертные стоны сливаются с громким «ура!», что пули не перестали свистеть вокруг...

На репетиции впервые тогда появилась героиня, какой хотела показать ее актриса: человек сильной, целеустремленной воли, способный и к открытой борьбе с фашистами и к подполью; женщина, которая, по мнению Волковой, после войны закономерно будет избрана депутатом, станет членом правительства. Не все краски были и на этот раз найдены сразу. Но основное в сценическом образе героини уже определилось.

Клавдия Васильевна и сама не помнит, не может указать, кто из людей натолкнул ее на оценочный образ старушки в комедии, которая готовилась к постановке. Комедия не ахти какая по драматургическим качествам, и спектакль, естественно, получился «проходной». Но роль старушки из Сибири была выписана автором неплохо. Исполнительница вложила в эту роль много человеческого тепла, актерских сил. Волкову было очень нелегко узнать здесь. Высокого для женщины роста, она вдруг «сократилась» до метра двадцати сантиметров, т. е. стала маленькой кругленькой старушкой. С сундуком в руках и доброй улыбкой.

— Как же все-таки произошло это превращение? — спрашивали потом артистку, с недоумением поглядывая на ее основательную фигуру.

— Секрет производства, — отшучивалась она.

«Секрет» действительно дорогой, стоивший много усилий и времени. Часами упражнялась артистка в ходьбе на согнутых ногах. Прежде чем засмеялись зрители, увидев симпатичный живой клубок на сцене, — расхохотался режиссер, которому Клавдия Васильевна продемонстрировала свою походку. А смех режиссера — редкость в театре. Режиссер обычно серьезен при самых комических сценах; он оценивает их, смущаясь до смеха.

Актриса постоянно ищет, всматривается, но никогда в своем творчестве не фотографирует увиденное. Натуралистическое копирование жизни чуждо ей.

— Природный талант, — могут сказать, наблюдая Клавдию Волкову со стороны.

Талант, конечно, талант. Однако он ли только? Хватило ли бы его — природного — на все, что сделала и делает Клавдия Волкова в искусстве? Нет! Нужна была многолетняя, каждодневная учеба, чтобы развить природные способности, заставить их служить безотказно большим творческим целям.

С пятнадцати лет в театре. Сначала в студии училась актерскому мастерству, пению, танцам, акробатике. Тренировалась все время. И в конце двадцатых годов смогла уже сыграть в спектакле «Три толстяка» девочку Суок, хотя весь спектакль был поставлен режиссером на цирковой сетке — с трапециями, колесами и прочими чисто цирковыми номерами. Клавдия летала как правая циркачка. А когда появился нарыв на ладони, работала на запястье.

Владеть собой она уже научилась. А вот владеть зрите-

лями, их вниманием, их чувствами — это оказалось много сложнее. Но каждый, пусть небольшой успех в этом отношении радовал ее.

Кажется, был тот вечер перед Восьмым марта совсем недавно, во всяком случае — не десятки лет назад. Театр алел косынками женщин-ткачих. Играли спектакль о том, как муж разлюбил свою скромную, простенькую жену, встретив яркую по характеру женщину в лице директора фабрики. В решающей сцене объяснения актер, игравший роль мужа, говорит в зрительный зал:

— Ну и петля.

Однако исполнение обеих женских ролей (директора сыграла Волкова) было таким, что жалостливая реплика мужа-изменника не вызвала никакого сочувствия у зрителей. На сцене радость: правильно поняли, дошло...

А бывало и по-другому. Наступали черные полосы неудач, срывов. Не только в молодости, но и в пору, когда за плечами двадцать лет работы в театре. Вроде бы все уже знаешь, можешь. Не тут-то было. Не мудрено, что Клавдия Васильевна, рыдая, убежала в ложу и говорила: «Я — не артистка, уйду из театра». А потом становилось стыдно за свое малодушие.

Талант рос, крепчал не только на сцене. Вся жизнь Волковой определяла его направление.

Театра в войну ей было уже мало. В госпитале появилась палата Волковой. Палата, которую она целиком обслуживала: убирала, кормила раненых, писала им письма и пела.

Этого тоже мало. Артистка становится донором. Девять литров крови отдала для спасения жизни защитников Родины.

Мадо! В составе фронтовых бригад Волкова под Вязмой, на Третьем Украинском фронте, под Брянском, в Смоленске.

Пела русские народные песни — «Ой, туманы мои, растуманы», «Россия, матушка Россия» — и веселые, задорные частушки, и «Землянку». Много чего пела. Всегда с подьемом, с воодушевлением, зажигая песней сердца воинов. После концерта нередко раздавалась команда:

— За Советскую Родину! Во славу советского искусства!

И в сторону врага летят снаряды. Начинается бой.

Это было в войну. А сейчас? Как сейчас жизнь, активное участие в ней помогают творческому росту актрисы, еще больше усиливают гражданственность ее таланта?

Коммунистка Волкова много времени, душевных сил отдает людям. Депутат городского Совета с 1960 года, она помогла многим в трудные минуты их жизни. Например, молодой выпускнице торговой школы. Девушку поставили на солнцепеке... торговать соленьями огурцами и овощами плохого качества. А потом уволили, как несправившуюся с работой. Не посчитались даже с тем, что на ее иждивении больная мать. Депутат пристыдила чинуш от торговли, напомнила им о советском законодательстве. Девушку восстановили, выдал положенную ей за все это время зарплату.

Гораздо чаще, однако, Волкова исполняет приятные, хотя

не менее трудные общественные обязанности в Севастопольском Доме бракосочетания. Дело в том, что на нее там идут «персональные заявки»: женихи и невесты настойчиво заявляют о своем желании именно от нее получить напутствия в будущую семейную жизнь.

И вот Клавдия Васильевна стоит перед молодоженами с красной лентой через плечо. На ленте сверкает герб Советского Союза. Это значит, что говорит с ними не просто она — Волкова! — а сам народ, избравший ее своим депутатом.

Говорит о великом человеческом счастье — пройти рука об руку друг с другом всю жизнь, о красоте любви свободных советских людей. Но не только об этом. Хотя и не принято на свадьбе, Волкова все равно говорит, что жизнь — не ковровая дорожка. Будут и ухабы. Надо уметь поддерживать, помогать. Тогда особенно прекрасным покажется ровный, прямой путь, на который выйдут оба.

Каждое слово западает в сердца молодых, оставляет в них след. И, кто знает, возможно, предостережет их от ошибок, от заблуждений.

Ряди этого стоит отдавать и время, и волнение собственного сердца. А оно, что ни дальше, все больше дает себя знать. Однако не было такого случая, чтобы Клавдия Васильевна из-за недомогания пропустила репетицию или спектакль, не пошла бы вовремя к избирателям.

Молодой актер или актриса стараются брать с нее пример.

Волкова часто разговаривает с ними. Не только на собраниях. Отзовет в сторону и шепчет:

— На премьере-то как играл? А теперь? Зритель положив не слышит. А для него каждый спектакль — премьера. И для нас должен быть.

Но если увидит, что на того советы не действуют, что (самое худшее) ему не свойственно святое отношение к искусству, тогда держись. Перед всеми отчитает.

— Кто топает за кулисами? Тот, кто о вечеринке думает, а не о выходе на сцену. И для чего это подматривать через занавес, сколько людей в зрительном зале? Сколько бы их ни было, все равно нужно играть с полной отдачей.

Сама Клавдия Васильевна после каждой репетиции спрашивает режиссера:

— Ну, как? Что у меня выходит? Что не получается? Какие замечания?

И в свою очередь обижается, если... замечаний не бывает.

— В классики, значит, попала, — негодует она. — Так и заплесневет недолго. Вы думаете, ваши замечания одним молодым нужны? А на нас можно уже рукой махать? Как сыграли, так и ладно? Опыт! Опыт опытом, а постороннему глазу видней. Нет, уж, пожалуйста, голубчик, проберите меня как следует. Прошу вас. Места себе не нахожу от сомнений.

Это прекрасно — сомневаться после сорока лет работы в театре, трепетать всякий раз перед выходом на сцену... Не зря гремят в зрительном зале аплодисменты, которыми встречают и провожают талантливого артиста.

Талантливую от природы и открывшую свой талант на встречу ветрам и солнцу жизни.

Марианна НОВИКОВА.